

12. Косых Е.С. Уркварт и Вандерлип: судьба двух несостоявшихся концессий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. №7-2 (69). С.88-90.

13. Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Л.: Наука, 1969. 430 с.

УДК94(985).084.3:913(985)

ББК Д890(211)+ТЗ(2)61-2

ГСНТИ 0012

Код ВАК64.17

А.А. Кохановский

Екатеринбург

**ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИИ ЭСЕРОВ
МАКСИМАЛИСТОВ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историография, Революция 1917 года, социалистические партии, эсеры – максималисты.

АННОТАЦИЯ. В статье приводится обзор советской и современной историографии по теме истории партии эсеров-максималистов в период Революции 1917 года. Особый акцент сделан на выявление причин ограниченности числа научных работ и приоритет региональных исследований над общероссийскими.

A.A. Kokhanovski

Yekaterinburg

**HISTORIOGRAPHY OF SOCIALIST-REVOLUTIONARY -
MAXIMALISTS PARTY'S ACTIVITIES DURING
THE REVOLUTION OF 1917**

KEY WORDS: Historiography, The Revolution of 1917, the Socialist Party, the Socialist-Revolutionaries - maximalists.

ABSTRACT. The article provides an overview of the Soviet and contemporary historiography on the history of the party-SRs maximalists during the Revolution of 1917. Particular emphasis is placed on identifying the reasons for the limited number of scientific papers and priority the regional studies over the All-Russia researches.

В советской и постсоветской историографии деятельности политических партий в ходе Революции 1917 года традиционно большое внимание уделялось социалистическим партиям – ее ключевым политическим силам. Если советская историография специализировалась в

основном на изучении роли «партии нового типа», РСДРП(б), то постсоветская в условиях научного плюрализма предпочитала изучать правых и левых эсеров и меньшевиков, национальных социалистических партий. Одной из немногих партий, «обделенных» вниманием историков, остается партия эсеров – максималистов.

Причина невысокого внимания к истории Союза социалистов - революционеров - максималистов (ССРМ) понятна: численность членов партии, ее представленность в органах власти, создававшихся в ходе Февральской и Октябрьской революций, не шли в сравнение с аналогичными показателями большевиков, меньшевиков или эсеров. Более того, даже в течение Революции СССР не имел равномерного покрытия территории страны своими организациями, располагаясь отдельными «островками» влияния, к примеру парторганизация Ижевско-Воткинского района, одна из немногих на Урале и в то же время одна из крупнейших в стране.

Факт невнимания советской исторической науки к истории СССР можно проиллюстрировать статьей об этой партии в Советской исторической энциклопедии, изданной в 1965г. Статья под авторством В. Гармизы занимает один абзац, охватывающий историю партии от зарождения в 1906 до роспуска в 1920г., основанный на материалах трудов Ленина и программных документах лидеров СССР (12.Стлб. 942-943). Это значит, что до 1965г. в советской исторической науке не оказалось серьезных научных трудов, на которые можно было бы сослаться в энциклопедии, как делали авторы статей о других социалистических партиях.

Работы по истории СССР начали появляться лишь с начала 1970-х гг., а первым крупным трудом следует считать монографию А.Ф. Жукова (1979), написанную в традиционном для советских историков направлении «краха меньшевистских идей в революции» (6). В работе партия охарактеризована как ультралевое течение народнического социализма, развивавшееся в условиях неизбежного наступления капитализма, а потому не имевшее исторических шансов против развивавшегося авангарда социалистической революции - пролетариата. Автор описывает непонимание максималистами диалектики развития революции, их мелкобуржуазность, непоследовательность и разрозненность их политической программы, то есть факторы, ставшие объектами борьбы и разоблачений со стороны большевиков, а также склонен смешивать максималистов с близкими им по идеологии левыми эсерами.

Жуков описывает конституирование самостоятельных парторганизаций ССРМ на волне Февральской революции, делая акцент на непоследовательности программных установок партии, не видевшей разницы между Временным правительством и Петросоветом. Автор выделяет четыре основных этапа истории партии в течение Революции: 1) начало солидаризации с большевиками в местных Советах по вопросу критики Временного правительства, Корниловщины и Предпарламента с момента июльских событий в Петрограде, не помешавшее максималистам приветствовать самочинное провозглашение Керенским России республикой (6. С.55); 2) организационное воссоздание ССРМ на их II партконференции 15-21 октября 1917г., участие партии в Октябрьской революции, работе ВРК, ВЦИК и подавлении выступления Керенского – Краснова, поддержка большевистских Декретов с осуждением ухода правых эсеров и меньшевиков со II съезда Советов, что опять-таки не мешало партии выражать недоверие Совнаркому и непоследовательно колебаться в вопросе о войне (6.С.90); 3) весна 1918г. - время солидаризации с левыми эсерами и анархистами в деле противостояния большевикам по вопросу о Брестском мире и продовольственной политике, переход к антибольшевистской борьбе в форме Ижевского мятежа на Урале; 4) время с декабря 1918г., когда на IV партконференции ССРМ произошел идеологический раскол, разрешившийся победой антибольшевистской линии Нестроева (1919), потерпевшей крах вместе с белым движением, а также переходом сторонников иной линии в ряды РКП(б) в 1920 г. (6. С.132).

В целом, концентрируя внимание на основных географических очагах политического присутствия партии (Кронштадт, Самара, Иваново-Вознесенск, Курск, Харьков, Ижевско-Воткинский район), Жуков делает вывод, что ССРМ «не представлял сколь-нибудь значительной силы в политической жизни страны» (6. С.67). В более поздней статье Жуков дополнил концепцию материалами, относящимися к деятельности партии во время левоэсеровского мятежа 6 июля 1918г (8. С.138). Схожую по форме критику эсеровского максимализма в контексте углубления социалистической революции сформулировал Н.В. Пономарев (15;16).

Вторым крупным советским специалистом по исследуемой тематике был историк Ю.И. Шестак. Он поддерживает заключения Жукова о непоследовательности политической линии максималистов и о борьбе большевиков с их полуанархическими заблуждениями, допол-

няя их детализацией технических моментов конституирования ССРМ (ход конференций, принятие Устава), а также усматривая большую роль в блокировании партии с левыми эсерами, переходящем в обоюдное движение к их организационному слиянию весной 1918 г. (19).

Стоит отметить, что роли партии ССРМ не нашлось места даже в обобщающих коллективных монографиях, освещающих крах непролетарских (мелкобуржуазных) партий и движений, например, в книге «Непролетарские партии России: урок истории» под редакцией И.И. Минца и К.В. Гусева (1984). Лишь две страницы написаны Л.М. Спириным в работе «Классы и партии в гражданской войне в России» (1968), будучи включены в контекст главы о левых эсерах (18. С. 168-170).

Крайне немногочисленное научное наследие советских историков по изучению ССРМ объяснимо отчасти и бытовавшим правилом, по которому выводы советских специалистов по вопросам Революции должны были так или иначе согласовываться с точкой зрения Ленина, отраженной в его письменном наследии. В течение революции лидер большевизма всегда критиковал и «разоблачал» неверные позиции всех политических сил, стоящих у власти, то есть кадетов, эсеров и меньшевиков во Временном правительстве, «мелкобуржуазных» левых эсеров в Совнаркоме (весна – лето 1918г.) и даже анархистов с их антибольшевистской «Махновщиной» на Украине. В случае же с эсерами-максималистами дело обстояло иначе: эта партия никогда не стояла у власти, не формировала ни один политический режим, поэтому в отзывах Ленина о ней почти не упоминалось. Анализ истории создания и идеологических ошибок ССРМ приводится им лишь в одной статье под названием «Эсеровские меньшевики» (11), в соответствии с которой и разрабатывались указанные научные работы советского периода.

С крушением СССР и марксистско-ленинской парадигмы исторических исследований в изучении указанного предмета наступил перелом, однако из большого числа учебных и справочных пособий, изданных в 1990-е гг. небольшая глава об эсерах-максималистах содер­жится только в справочнике «Политические партии России», подготовленном брянскими историками в 1993 г. (14. С. 107-112).

Наиболее полное монографическое исследование по истории ССРМ появилось лишь в 2008 г. в виде труда ученого нижегородского госуниверситета В.П. Сапона. В монографии автор вписывает деятельность партии максималистов в общий контекст либертарного

движения (движения за полную эмансипацию всех угнетаемых), охватившего всю совокупность леворадикальных партий страны на волне периода от свержения самодержавия к гражданской войне (17).

Автор отмечает, что идеологами ССРМ, как и других леворадикальных партий, являлись представители разночинной интеллигенции, а социальной базой – пролетарские слои, сохранившие связь с деревней. Указывая на тесную идеологическую и организационную переплетенность максималистов с левыми эсерами, ученый говорит об активизации членов еще единых эсеровских организаций в местных КОБах и Советах в первые месяцы Революции, хотя в вопросе о власти левым эсерам по степени радикализма было далеко до «экстремизма анархистов, максималистов или большевиков». Три указанных движения автор характеризует термином «внесистемная оппозиция», причем максималистов он считает более последовательными либертарианцами (17. С.101).

Полемизируя с советскими учеными по поводу критики максималистской непоследовательности, Сапон утверждает, что максималисты имели немало общего с социал-демократами и даже превосходили их в последовательности воззрений, особенно затрагивающих проблемы строительства Российской Трудовой республики, которая в процессе интернационализации революции волеется во всемирную трудовую республику в качестве одного из ее федеративных штатов (17. С.106). Автор подробно рассматривает логичные воззрения максималистов на проблему социализации в широком социально-экономическом смысле, а также работу членов партии в советских органах. Невыражение поддержки Совнаркому он также объяснял последовательным протестом против всякой узурпации власти, в том числе и большевиками. Окончательный разрыв в доселе союзных отношениях с большевиками наступил на IV съезде Советов, когда максималисты выразили несогласие с условиями Брестского мира, которое более тесно сплотило их с левыми эсерами. В советах две партии блокировались для противостояния большевикам, не входя при этом в исполкомы.

По мнению ученого, к лету 1918г. левых неонародников погубило стремление «осуществить демократизацию государственной политики в рамках советского парламентаризма»: благодаря внедрению большевистской партии в институты советской власти разных уровней, неонародники оказались в меньшинстве на решающем V съезде Советов, то есть уже не могли легально добиться изменения полити-

ческого курса страны (17. С. 143-144). Итогом съезда стал разгром «антисоветского мятежа» левых эсеров и полный отрыв партии от «советского парламентаризма». Общий вывод автора раскрывает негативный сценарий исторической альтернативы, в которой бы левые неонародники одержали верх над другими политическими игроками – стране в таком случае угрожала бы деиндустриализация и откат в прошлое. В условиях Революции, перешедшей в гражданскую войну, потерпел крах и их либертаристский идеал, что выразилось в дезинтеграции партий максималистов и левых эсеров и вхождении части их членов в состав РКП(б) с признанием авторитарно-централистских приоритетов.

Таким образом, монография В. Сапона имеет ряд уникальных, отличительных черт. Помимо того, что автор в ней подверг пересмотру идеологизированные нападки на историю ССРМ со стороны советской науки, он в то же время не был склонен к апологетике партии как жертвы большевизма или партии, несущей более правильную для исторического пути России идеологию. Существенным преимуществом монографии выступает попытка изложить интегрированную историю леворадикальных движений неонародничества и социал-демократии, отведя ССРМ место среди левых партий, а не отдельно от них, что позволяет проследить не только преграды, но и тесную взаимосвязь между ними.

Такому глубокому подходу противостоит, например, оценка максималистов, данная историком из Иерусалимского университета Л. Прайсманом, который в беседе на тему антибольшевистского Ижевско-Воткинского восстания рабочих на радио «Эхо Москвы» (2013) обратил внимание на произвол и бессудные расправы над населением края со стороны большевистской власти, послужившие одним из факторов восстания. При этом, не поясняя далее своих слов, он охарактеризовал максималистов и анархистов лишь как товарищей большевиков «по части бандитизма» (2). При подобном невнимании зарубежного специалиста к роли ССРМ все-таки стоит сделать предположение о его частичной правоте: вполне возможно, что либертаристские идеалы и сопротивление большевистскому произволу высказывали лидеры ССРМ, тогда как рядовые партийцы имели более низкое идеологическое сознание и образование, которые в отрыве от центральной власти в условиях всестороннего кризиса в стране могли проявлять тягу к произволу, тем более, когда имел место наглядный пример большевиков.

Из отечественных ученых проблемами истории эсеровского максимализма занималась Л.А. Можяева. Она рассмотрела сущность его теоретического концепта «трудовой республики», привлекая «Проект основ Конституции Трудовой республики», изданный ССРМ в апреле 1918 г. как первой Советской конституции, где максималисты предлагали отказаться от ВЦИКа как органа с неопределенными функциями в пользу Съезда Советов. В дальнейшем, следуя своим установкам, максималисты поддерживали лозунг «Власть Советам, а не партиям!» и выдвигали план введения всеобщего избирательного права, отвергая большевистские цензы для «лишенцев» (13).

В целом же, по причине относительной немасштабности ССРМ по сравнению с другими социалистическими партиями и ее неравномерного представительства в регионах, научные работы по указанной теме представляют собой региональные и локальные исследования. Так, например, имела место дискуссия между историком Саратовского госуниверситета В.В. Назаровым и ученым-краеведом Л.И. Кузевановым (2012) на материалах Балашовского уезда Саратовской губернии. Кузеванов критиковал «притянутые» к концепции Назарова выводы о том, что большевистские гонения на оппозицию начались сразу после Октябрьского переворота, в результате чего с поста председателя Балашовского уездного исполкома был снят левый эсер Г. Солонин. Кузеванов обратил внимание, на то, что Солонин являлся не левым эсером, а максималистом, а гонения на тех и других не могли начаться сразу после Октябрьского переворота, поскольку ПЛСР и ССРМ поддерживали РСДРП(б) на II съезде Советов. Мотивом же снятия Солонина с должности послужили его халатность и властный произвол, свойственный человеку, внезапно попавшему во власть из социальных низов (10). О деятельности ССРМ в других регионах упоминали историки П.Н. Гордеев (4), В.И. Бакулин (1) и Н.Н. Кабытова (9).

Наиболее полным исследованием по истории деятельности региональных максималистов в 1917-1918 гг. выступает монография С.Л. Бехтерева, написанная на материалах Ижевско-Воткинского района, где местная организация ССРМ была одной из крупнейших и влиятельнейших в стране. Автор свидетельствует, что социальной базой парторганизаций края и ее «электоратом» выступали пролетарии – мелкие собственники с рабоче-крестьянским социальным положением (3. С.31). Благодаря синтетической идеологии максималистов, в партию вливались не только приверженцы неонародничества,

но и социал-демократии, что привело к раннему признанию местными партийцами лозунгов большевиков и активном участии в создании боевых дружин, реорганизованных после Октября в Красную гвардию. Триумфом коалиционной работы левых радикалов автор называет I Вятский губернский съезд Советов (январь 1918 г.), исполком которого принял совместную резолюцию о передаче власти Советам, а затем и одобрение разгона Учредительного собрания.

Разрушение коалиции началось в результате радикальной и непродуманной политики большевиков, приведшей к недовольству населения и победе беспартийных на выборах в Советы, что вызвало недовольство максималистов и отказ их боевых отрядов подчиняться исполкомам. В апреле 1918г. отряды ССРМ и вовсе приступили к самовольному разгрому Советов (явление, по причине наличия угроз в адрес большевиков охарактеризованное советским историком Жуковым как «антисоветский мятеж эсеро-максималистов») (7). В ответ на угрозы все максималисты района были арестованы большевистскими красногвардейцами.

Произвол левых радикалов породил к лету 1918г. рост надежд населения на умеренно-социалистические партии, на взаимодействие с которыми пошли созданные рабочими - фронтовиками общественные организации. В таких условиях максималисты снова поддержали РКП(б) в деле мобилизации и борьбы с контрреволюцией на Восточном фронте. Однако уже 8 августа Ижевск был захвачен Чехословацким корпусом, а многие партийные активисты ССРМ и РКП(б) были расстреляны. Грабительские действия леворадикальных партий при эвакуации из края спровоцировали начало Ижевско-Воткинского рабочего восстания, к сентябрю покончившего с их властью.

Таким образом, автор монографии подробно рассматривает региональный ракурс отношений социалистических партий, видя в максималистах одну из движущих сил развития революции, но вместе с тем и силу, побудившую население края, уставшее от их самовластия, к антисоветскому мятежу, инкорпорированному в белое движение.

Необходимо отметить: история антисоветского восстания в Ижевско-Воткинском районе занимала удмуртских историков с начала 80-х гг. Прежде всего стоит отметить монографию П.Н. Дмитриева и К.И. Куликова (1992), отразившую роль максималистов в разжигании антисоветских настроений. Авторы указывают, что лозунги ССРМ привлекали политически незрелых рабочих, «радикально настроенную часть городской мелкой буржуазии, деклассированных

элементов, среди которых были даже уголовники» (5. С.25), а также отождествляют антибольшевистскую позицию ССРМ с антисоветской. Ряд тенденциозных выводов авторов был частично оспорен Бехтеревым в работе 1997 г.

Итак, в результате проведенного обзора историографического наследия по истории участия партии эсеров-максималистов в Революции 1917г. было установлено, что в количественном плане данное наследие весьма невелико. По причине того, что партия имела небольшую численность и неповсеместное представительство своих организаций по стране, а также ввиду почти полного отсутствия ее представителей в высших органах центральной власти, ракурс исследований историков зачастую смещается на изучение деятельности ССРМ в ряде отдельных регионов. Следовательно, разработка указанной тематики сохраняет научную актуальность и значительный исследовательский потенциал.

Литература:

1. Бакулин В.И. Многопартийность в Советской России: упущенный шанс // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. №4. С. 60-65.
2. Беседа с Л. Прайсманом на тему «Парадоксы «третьего пути»: антикоммунистическое рабочее Ижевско-Воткинское восстание 1918г.». URL: <http://echo.msk.ru/pro-grams/senarobedy/1161206-echo/> (дата обращения: 10.09.2016).
3. Бехтерев С.Л. Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997. 192 с.
4. Гордеев П.Н. Анатолий Ламанов – председатель Кронштадтского Совета в 1917 году // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2. Вып. 4. С. 139-143.
5. Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. 392 с.
6. Жуков А.Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1979. 159 с.
7. Жуков А.Ф. Ижевский мятеж эсеров - максималистов // Вопросы истории. 1987. №3. С. 173-178.
8. Жуков А.Ф. О взаимоотношениях большевиков с эсерами-максималистами в первые годы Советской власти // История СССР. 1986. № 3. С. 134-142.
9. Кабытова Н.Н. Муниципальные выборы 1917 г. в Поволжье // Вестник Сам-ГУ. 2012. № 8/1. С. 75-80.

10. Кузеванов Л.И. Назаров Владилен Викторович о противостоянии большевиков и максималистов в 1918 г. А было ли противостояние? Post hoc non propter hoc. URL: <http://klio.3dn.ru/publ/4-1-0-277> (дата обращения: 10. 09. 2016).
11. Ленин В.И. Эсеровские меньшевики // ПСС. М., 1972. Т. 13. С. 396-406.
12. Максималисты // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 8. Стлб. 942-943.
13. Можаяева Л.А. Трудовая республика максимализма. URL: <http://www.sen-susnovus.ru/featured/2015/07/09/21217.html> (дата обращения: 10. 09. 2016).
14. Политические партии России (первая четверть XX в.): справочник. Брянск, 1993. С. 107-112.
15. Пономарев Н.В. Проблема власти в политической доктрине анархизма и максимализма. Казань, 1974. 169с.
16. Пономарев Н.В. Проблема власти в политической доктрине анархизма и максимализма (критический анализ). Казань, 1993. 190 с.
17. Сапон В.П. Терновый венец свободы. Либертаризм в идеологии и революционной практике российских левых радикалов (1917-1918 гг.). Нижний Новгород, 2008. 332 с.
18. Спириин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917-1920 гг.). М., 1968. С. 168-170.
19. Шестак Ю.И. Банкротство эсеров-максималистов // Вопросы истории. 1977. № 1. С. 30-47.

УДК 930.85

ББК 780.16

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

А.А. Кочкина

Нижний Тагил

ДИНАМИКА ОБРАЗОВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1917 ГОДА И ЕЕ ВОЖДЕЙ

В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ (1920-1950-Е ГГ.)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революция, кино, историко-революционный фильм, художественный образ.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется образ русской революции 1917 года в советском кино, созданный в первой половине XX века. Историко-революционный фильм рассматривается в качестве источника по изучению культурной памяти СССР и политической истории.